

Сергей Ефременков

ВОЗМЕЗДИЕ

Глава первая

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Этот год для меня ознаменовался значительным жизненным достижением — я вышел на пенсию.

В идеале, нужно было с удовольствием принять это событие.

Теперь можно отдыхать и не переживать за служебные дела и денежные вознаграждения.

Прощай служба, прощайте командировки в далекие и близкие края. Прощай вечно недовольное начальство.

Теперь государство будет заботиться о моем денежном вознаграждении и не спрашивать отчета о проделанной работе.

С одной стороны, вроде бы нужно радоваться, но радости почему-то не было. Да и за окном стояла осенняя дождливая погода.

С самого утра падал небольшой холодный дождик. Небо было затянуто темными тучами, как будто кто-то специально привязал их над городом. Ветер наклонял верхушки деревьев и сбивал с них желтые листья. Они падали, кружились, и ложились

на темный мокрый асфальт. Птицы где-то в одночасье пропали. Возможно, приютились где-то по тепленьким местечкам, или улетели в теплые края.

Я подумал, как весь последний год с нетерпением ждал той минуты, когда оформлю пенсию и пошлю всех куда подальше.

Но сейчас, когда это время пришло — на Душе было как-то беспокойно.

Подводя итог своей 45 летней жизни, я был в растерянности, и не знал, что делать дальше.

Работа, а вернее служба в подразделении специального назначения была единственным занятием в последние годы.

И что теперь? Что дальше?

Мысли крутились в голове с бешеной скоростью, сменяя одна другую.

Чего ты добился в жизни в свои сорок пять, капитан Дракошин, — который раз мысленно спрашивал я себя, и не находил ответа.

Что с того, что ты был честным и преданным своей Родине, и своему руководству?

Что с того, что ты не брал откаты и взятки, боролся со злом, пресекал преступления и свято хранил офицерскую честь?

Что это тебе принесло?

Ничего!

Хотя нет, принесло — одиночество.

Одиночество — какое противное состояние, — подумал я.

Как будто проваливаешься в зловонную трясику, из которой очень трудно выбраться. Оно давит на Душу, оставляя ее беззащитной в этом суровом и безжалостном мире, забирая в одночасье все радости жизни.

Одиночество как будто задает негласный вопрос — есть ли смысл в твоей дальнейшей жизни, капитан Дракошин?

А вокруг — пустота и холод. Как будто весь мир против тебя. Как будто это противное эмоциональное состояние становится твоей сутью, и все что тебе остается — это боль.

Моя мужская гордость бунтовала от этого одиночества, и от того, что в свои сорок пять стал никому не нужным пенсионером.

Работы нет. Жена ушла, забрав детей. Дети общаться не желают. Друзей практически нет.

Что дала тебе в 45 лет твоя слепая вера в справедливость, которую ты отстаивал до последнего дня, — мысленно спрашивал и спрашивал я себя?

С чем ты остался в свои сорок пять — с комнатой в общежитии и двадцатипятилетним автомобилем. И это все?

Ты посмотри на своих коллег по работе.

Шикарные квартиры, дорогие автомобили,

загородные дома.

Ты что, хуже них? Нет!

Ты что, глупее них? Нет!

Пока ты гонялся за результатами по службе, справедливостью и честностью, люди думали о себе, и о своем будущем.

Да, ты был лучшим по службе, но что это тебе принесло? Ничего!

Да, ты совершил мужской поступок, переписав при разводе все нажитое тобою имущество на жену и детей.

Кто оценил этот поступок? Никто!

Да, ты совершил благородный поступок и раздал все имущество родителей после их смерти нуждающимся в нем людям.

И что теперь? Что дальше?

И тут на меня огромной волной нахлынули воспоминания о своей прошедшей жизни.

Взяв фотографии, я как будто бы провалился в прошлое.

Перебирая детские фото, я не нашел ни одного с веселым взглядом маленького Сергея Дракошина.

Вспомнилось, как делал себе игрушки из подручных материалов: машинки из проволоки и пустых катушек из-под ниток, самолетики из бумаги.

Вспомнилось, как в первом классе случайно

измазал в клей школьный костюм, после чего получил ремнем по мягкому месту, и отстоял в углу целый день.

Вспомнилось, как заступился за собаку, по которой хулиган стрелял из рогатки. Забрал у мальчишки рогатку и сломал ее.

Но родители того хулигана пожаловались моим родителям и меня наказали. Опять ремень и опять угол.

Нет, я не плакал и не просился выйти из угла. Не мой стиль — просить. Я думал о справедливости, вернее о ее отсутствии. И тогда, стоя в углу, будучи еще ребенком, принял решение, что после школы не останусь в этом доме, где меня бьют, а уеду далеко-далеко.

Забегая наперед, скажу — что так и вышло.

Я с детства привык зарабатывать деньги на свою школьную форму и школьные принадлежности.

С 5-го класса на каникулах работал в плодоовощном питомнике и собирал в большие и тяжелые ящики фрукты и ягоды.

После 9-го класса во время каникул работал на шахте, где разгружал вагоны со щебнем и с песком.

Но если выпадало свободное время, то я читал книги о приключениях. Читал даже ночью, под одеялом, подсвечивая себя фонариком.

Я зачитывался книгами величайших писателей своего времени. Читал Конан Дойля, Жюль Верна, Даниеля Дефо.

Меня манили приключения и расследования, и я хотел быть похожим на героев этих романов.

Вот мне попались в руки грамоты за участие в спортивных соревнованиях по восточным единоборствам и занятые призовые места.

Я подумал, что несмотря ни на что, детство мое прошло нормально.

Окончив школу с золотой медалью, я, как и задумывал, будучи еще ребенком, уехал из дома на следующий день.

Уехал поступать в военное училище, чтобы быть на полном государственном обеспечении и не зависеть больше ни от кого.

Так как намерения мои были серьезными, то я с легкостью поступил в военное училище, сдав экзамены и физподготовку на отлично.

С этого периода начались мои курсантские будни в военном училище.

Военное училище — это место, где из вчерашних неокрепших юнцов создают мужчин. И слово «трудно» не может описать всего того, что было за время учебы.

Казарменное положение, жизнь по строгому расписанию, подъемы, зарядки, прием пищи, учеба, самоподготовка, экзамены, личное время, сон —

все четко регламентировано.

А кроме этого — наряды, караулы, дежурства.

А еще тяжелые марш-броски по 40 километров с полной выкладкой, когда тянешь на себе вещмешок со скаткой (шинель, смотанная в рулон и пристегнутая к вещмешку), автомат, штык-нож, запасные магазины к автомату, воду, личные вещи, сухой паек, и так далее.

А спортивные «праздники» по выходным дням, когда перед увольнением нужно бежать кросс, полосу препятствий, и выполнять упражнения на брусьях и турнике.

И если вложишься в нормативы, то только тогда получаешь право на увольнение. Но, если честно, после такого спортивного «праздника», и в увольнение идти уже не хочется.

Возможно, сейчас так не учат молодых курсантов, но в мое время было именно так.

Помнится, делали мне операцию на ноге (что-то там выжигали) и образовалась рана размером с копеечную монету.

Придя из санчасти в свое подразделение — нужно было бежать очередной марш-бросок. Мое обращение к командиру об освобождении от спортивного «праздника» ни к чему не привели.

Пришлось бежать. И если сказать, что нога болела — это ничего не сказать. Под конец марш-броска я ее почти не чувствовал.

А когда снял сапог, то он был полон крови. Нога в крови, сапог в крови, портянка в крови, штанина в крови. Зрелище не для слабонервных. Даже командиру стало плохо, когда он это увидел.

Вот такими были курсантские будни в военном училище.

Но нужно заметить, что учили нас хорошо. Учили не бояться трудностей. Учили преодолевать их. Учили выживать в экстремальных условиях. Учили тому, что в жизни всегда есть место подвигу.

В актовом зале было много историй и примеров совершения героических поступков солдат и офицеров.

На их примерах мы воспитывались, понимая, что, в конечном счете — все зависит от самого человека.

И если присмотреться, то в жизни любого человека есть много возможностей проявить и выдержку, и героизм.

В этом, может быть, и есть смысл жизни настоящего мужчины.

А еще нас учили справедливости, и тому, что истина всегда остается истиной, как бы ее не пытались изменить.

Эти слова звучат благородно и возвышенно, хотя, может быть, на сегодняшний день и устарели, но в моей голове осталась четкая установка — не обязательно быть добрым, но нужно быть

справедливым, и помогать провидению восстанавливать эту справедливость.

Так я и поступал всю свою последующую жизнь.

Очень ярко помнится выпуск из военного училища и торжественный парад по этому поводу.

Как будто это было вчера.

Вот мы стоим на плацу в новенькой офицерской форме и принимаем поздравления. Прощаясь со Знаменем полка, становимся на одно колено, при этом зажимая под коленом металлическую монету.

А когда скомандовали: «К торжественному маршу», — мы все поднялись на ноги и на асфальт упали наши металлические монеты.

Звук от падающих монет был таким сильным и специфическим, что его нельзя передать никакими словами.

А затем мы проходили торжественным маршем по плацу и невольно наступали на эти монеты, которые звенели и делали прекрасный звуковой фон.

Это было прохождение, которое помнится и сейчас в мельчайших подробностях. Торжественным маршем шли уже не те юноши, которые пришли в военное училище четыре года назад.

Торжественным маршем шли мужчины —

сильные, смелые, и готовые защищать свою Родину.

Но парады заканчиваются и начинаются будни. А будни офицера связаны с обучением солдат и боевой подготовкой.

Мне посчастливилось служить в особом полку — полку специального назначения быстрого реагирования. По сигналу тревоги, через 2 часа полк должен быть уже в воздухе и выполнять задачи командования.

Дома у каждого офицера был специальный тревожный чемоданчик, в котором находилось все необходимое для командировок. А командировок было много. Как в дальние, так и в близкие регионы.

Помнится, в одной из южных стран, где наш полк выполнял свои задачи, я получил травму лица. Был разбит мой защитный шлем, и кусок пластика врезался в щеку.

Ее зашивал без анестезии полковой лекарь. Хотелось кричать от боли, но меня предупредили, чтобы терпел. Солдаты не должны были слышать, как кричит от боли офицер. И я терпел. На грани потери сознания, но терпел.

Была еще рана на спине от ножа, но это совсем другая история.

Так проходила моя жизнь — служба, командировки, выполнение задач и приказов.

Я мечтал о такой жизни, о приключениях и путешествиях.

Но романтика достаточно быстро проходит, и со временем приходит понимание того, что тупеешь на этих войнах и конфликтах, и что нужно в своей жизни что-то менять.

Когда мое внутреннее недовольство достигло предела, я перешел в подразделение, которое расследует преступления.

Это было интересное занятие. Что-то сродни деяниям Шерлока Холмса и доктора Ватсона из книг Конан Дойля.

Романтика расследования преступлений захватила меня и держала очень долго. Скажу больше, я стал профессионалом в этом деле, и в моем подразделении, в котором я служил, больше меня никто преступлений не раскрывал.

С тех пор, и по сегодняшний день, в моей барсетке всегда есть нож, увеличительное стекло, монокуляр, фонарик и зажигалка. Эти предметы стали для меня как родные.

В спецподразделении по расследованиям преступлений я познакомился со своим коллегой по работе, который позже стал моим лучшим другом.

Его звали Василий Чекрин. Это был высокий, крепкий мужчина с густыми темными волосами и небольшим шрамом на носу. Он любил одеваться в стильную и дорогую одежду. По темпераменту он

был типичным холериком и старался всегда и во всем руководить.

Другие сотрудники держались от него подальше, а мы как-то сошлись и сдружились. Мы были очень разные, и возможно это как-то притягивало нас.

Василий был любителем женских сердец, но долго отношений не поддерживал. Если ему надоедала спутница, то он с легкостью менял ее на другую, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

Он очень любил оружие, хорошо стрелял, и много времени проводил в тире. Всегда говорил, что его цель в жизни — стать руководителем спецслужбы и миллионером.

Я смеялся с него и часто «подкалывал» по этому поводу.

Романтика в расследовании преступлений продержалась у меня несколько лет, а затем как-то все переросло в рутину и обычное выполнение своих функциональных обязанностей. Исследование мест происшествий, оперативная работа, допросы, обыски, экспертизы, дежурства, и так далее.

Во время службы был очень памятный и интересный период, когда из спецслужб было отобрано 4 оперативника, в том числе и я, для выполнения очень ответственного и секретного

задания.

Нас готовили около года, и за этот период мы очень хорошо сошлись и сдружились. Кроме меня подготовку проходили: Иван, Никита и Алексей.

За время подготовки к выполнению спецоперации мы получили много секретной и компрометирующей информации на трех высокопоставленных лиц.

Руководил подготовкой оперативников для выполнения этой спецоперации мой друг Василий Чекрин.

После прохождения подготовки наша группа начала проводить оперативные мероприятия и документировать другие преступления этих трех высокопоставленных лиц.

И когда группа уже была готова проводить финальную операцию, то ее вдруг расформировали. Всю добытую нами информацию засекретили, а с нас взяли подписки о неразглашении государственной тайны.

Кроме того, на словах очень настойчиво порекомендовали все забыть.

Причиной этого послужило то, что этих трех высокопоставленных лиц назначили еще выше. Один стал советником президента, другой министром, а третий руководителем влиятельной политической партии.

Но как тут забудешь преступные деяния этих

больших начальников, когда видишь их каждый день по телевизору и понимаешь, что их место не там, а в тюрьме.

Я прекрасно понимал, что на новых должностях они однозначно продолжат темные делишки по набиванию долларами своих личных карманов в ущерб интересам страны.

Это трудно выбросить из головы и забыть.

Внутренне меня рвало на куски через такую несправедливость. Моя Душа не могла принимать то, что преступников возвышают, а нормальным людям пускают пыль в глаза и показывают, что они ничто в этом мире.

Но все это уже позади. Теперь только пенсия и жуткое одиночество.

При мыслях об одиночестве хотелось плакать, но слез не было. Мужчины не плачут, — часто говорил я себя, — и возможно мой организм привык их не показывать.

Я понимал, что плохим настроением и слезами ничего не изменишь. Нужно привыкать к новому положению. И я решил принять ситуацию, как есть, следуя принципам: «Будь, что будет», и «Что не делается — все к лучшему».

С этими мыслями я провалился в сон. Мне снились графики дежурств, караулы, наряды. Снились раскрытия преступлений, оперативные комбинации и все такое, что связано с бывшей

службой.

Похоже, что во время сна наш мозг не отдыхает, а продолжает перерабатывать информацию, помогая своему хозяину что-то понять, а возможно и предвидеть будущее.

Сон подсказывает и доносит послания о состоянии физического тела. О том, чего ему не хватает, что его тревожит. О возможных вариантах решения проблемы.

Во сне приоткрывается завеса над таинственным подсознанием, которое, как говорят специалисты, может все.

Но приходит утро, и сны забываются, уходят как-бы на второй план. А на первый план выходит сознательное мышление.

Так произошло и у меня. Нужно было думать и размышлять о дальнейшей жизни, о будущем. Нужно было строить реальные планы.

Куда идти работать дальше — охранником в супермаркет или в службу безопасности на фирму.

Я взял старые блокноты и начал выписывать номера телефонов своих знакомых. Решил для начала обзвонить их и поинтересоваться возможностями какой-либо работы для себя.

Но вдруг мою умственную деятельность прервала смс следующего содержания: «Умер Алексей, похороны сегодня в 11.00».

Эта новость ударила меня, как плетью. Мне

стало не по себе. Алексей — это мой коллега по работе, один из четверки, которую готовили для выполнения спецзадания. Он был действующим сотрудником спецслужб.

Номер телефона, с которого пришла смс, был мне не знаком, и я решил перезвонить по нему для получения более полной информации. Но номер был уже недоступен.

Тогда я позвонил своему другу Василию Чекрину, чтобы узнать подробности. Василий подтвердил смерть Алексея, но сославшись на занятость, разговор продолжать не стал.

Я быстро собрался и поехал домой к Алексею, так как время уже доходило к 11 часам.

Для меня было очень важно понять причину смерти моего коллеги по работе. Как так получилось, что молодой и здоровый человек ушел из жизни.

Но родственники мало что знали, и от них сложно было получить ответы на нужные мне вопросы.

Моего друга Василия вообще не было, хотя ребят из спецслужб было много.

Хоронили Алексея в закрытом гробу, что бывает редко, а это могло означать все, что угодно.

Во-первых, в закрытом гробу Алексея могло и не быть, а все эти похороны могли быть бутафорными. Возможно, Алексею поручено

выполнение спецзадания, а его похороны всего лишь часть легенды.

Во-вторых, у Алексея могло быть повреждено лицо, а это автоматически означает, что смерть была насильственной.

Когда мероприятия подходили к концу, ко мне подошел парень с просьбой пообщаться. Я видел этого парня впервые, поэтому ответил ему:

— Нет у меня желания сегодня общаться.

— Виктор Тюрин, уголовный розыск, — сказал парень, и показал свое удостоверение.

— О чем вы хотите пообщаться? — спросил я.

— О вашей будущей жизни, — ответил парень.

— Я вас слушаю, — сухо сказал я.

— Вы знаете, что вы последний из четверки, которую к чему-то готовили? На протяжении месяца трое уже мертвы, и вы можете стать следующим. Я хочу знать — к чему вас готовили, и кто может быть заинтересован в физической ликвидации участников группы?

— Это уже становится интересным, откуда у вас информация о группе? — спросил я.

— Я сопровождаю расследование о смерти Алексея, Никиты и Ивана по линии уголовного розыска, — ответил Виктор.

— Что с ними произошло? — спросил я.

— Это является тайной следствия, — ответил

парень из уголовного розыска.

— Тогда разговора у нас с вами не получится. И вообще, Виктор, Вы же оперативник. Если хотите получить информацию, то вы должны, прежде всего, расположить собеседника к себе. Разве в вашей конторе этому не учат? — спросил я, и стал собираться уходить.

Эта новость меня серьезно напрягла, и я решил прямо сейчас поехать к Василию Чекрину, который руководил подготовкой этой группы, чтобы все разузнать.

— Хорошо, я расскажу вам, но дайте слово офицера, что эта информация никуда больше не уйдет, — сказал Виктор.

— Договорились, — сказал я, — и приготовился внимательно слушать рассказ своего собеседника.

Мы отошли в сторону, сели на лавочку, и парень из уголовного розыска стал говорить:

— Расследование ведет сборная группа из двух контор, нашей и вашей. Алексея нашли три дня назад в парке. Собаки съели лицо и внутренности. При нем было табельное оружие, удостоверение личности и 3000 долларов США. По всей видимости, он умер в другом месте, а в парк его вывезли уже после смерти.

— Если не было лица, то возможно это не он, — по ходу разговора я поставил вопрос.

— Точно он, экспертиза это подтвердила.

— А причина смерти?

— Острая сердечная недостаточность.

Настоящую причину смерти установить не получилось, но мы подозреваем, что это был яд, который позже разложился, и экспертиза его не нашла.

— Как умерли Иван и Никита? — спросил я.

— Иван в пьяном виде купался в озере и утонул.

— Какой была глубина там, где его нашли?

— Один метр, — сказал Виктор.

— Иван, бывший моряк, спортсмен, который не употреблял спиртное. Вам не кажется странным, что разумный человек, спортсмен, моряк, лезет купаться осенью в озеро и тонет на глубине один метр?

— Да, странностей хватает, но самое интересное то, что из архива неизвестным образом пропали все материалы по этому делу, — сказал Виктор.

— А как умер Никита?

— Выпал со второго этажа конспиративной квартиры. Скорая помощь не смогла ничего сделать. Экспертиза дала причину смерти — острая сердечная недостаточность. Но мы предполагаем, что он был отравлен ядом, который разлагается. В архиве мы не смогли найти материалов по этому

делу. Они тоже пропали.

— Кто за этим стоит? — спросил я, смотря Виктору прямо в глаза.

— Мы подозреваем людей из вашей конторы, в частности Василия Чекрина, — сказал Виктор.

— Почему его?

— Я чувствую, что он как-то связан со всеми этими смертями. Он включен в совместную группу по расследованиям, но мы установили, что он никак не оказывает содействие следствию, а наоборот, используя информацию следственной группы — подчищает «хвосты».

Поэтому совещания мы стали проводить по два раза. Первый раз в его присутствии, где даем незначительную или ложную информацию, а второй раз уже без него, где ставим реальные задачи и продвигаемся по делу.

— И далеко продвинулись? — спросил я.

— Сейчас, по-честному, мы в тупике, и вы единственная наша надежда на раскрытие этого дела.

— Мне нечего вам сказать. Хотя нет, скажу — это дело вам не по зубам. Вы его никогда не раскроете. Оставьте все как есть.

— Вы поймите, есть реальная угроза вашей жизни. Вы можете стать четвертым трупом.

— Я понимаю, что могу быть четвертым, но ничего вам не скажу. Я давал подписку, а это